

© 2020. А. П. Дмитриев
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

К оценке «Бедных людей» и «Двойника» Ф. М. Достоевского в семье Аксаковых (по переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-012-90012 («Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881»).

В статье впервые вводятся в научный оборот и обобщаются уже имеющиеся сведения о восприятии в семье Аксаковых ранних произведений Достоевского: романа «Бедные люди» и повести «Двойник». Произведен сопоставительный анализ оценок, которые давали этим сочинениям, с одной стороны, Вера Аксакова и ее двоюродная сестра Мария Карташевская в переписке начала 1846 г., а с другой — Константин Аксаков в рецензии, опубликованной в 1847 г. Выясняется, что Аксаковы еще до знакомства с произведениями Достоевского были предубеждены против него, и прежде всего потому, что писатель выдвигался западнической партией во главе с Белинским как бы в противовес Гоголю с его «славянофильским духом». Уделяется особое внимание контекстным сведениям о круге чтения сестер Аксаковых, что позволяет объяснить известную резкость в их суждениях. Вкусы сестер были сформированы романтической эстетикой, теорией «бесцельного» творчества, а читательские предпочтения диктовались эмоциональным тоном литературного произведения. Поэтому в их глазах «тяжелая» проза Достоевского проигрывала «освежительным» сочинениям Гоголя, Диккенса и Фредрики Бремер.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, К. С. Аксаков, В. С. Аксакова, М. Г. Карташевская, читательская рецензия, славянофильская критика, эпистолярный жанр, романтическая эстетика.

Информация об авторе: Дмитриев Андрей Петрович, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: apdspb@gmail.com

Дата поступления: 30.12.2019

Дата публикации: 24.03.2020

Для цитирования: Дмитриев А. П. К оценке «Бедных людей» и «Двойника» Ф. М. Достоевского в семье Аксаковых (по переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 154–167. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-1-154-167

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. Andrei P. Dmitriev

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

On the assessment of “Poor Folk” and “The Double” Fyodor Dostoevsky by the Aksakovs (in terms of correspondence between Vera Aksakova and Mariya Kartashevskaya)

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 18-012-90012 (“F. M. Dostoevsky in Russian criticism. 1845–1881”).

Information, already available, about the perception of the early works of Fyodor Dostoevsky — the novel “Poor Folk” and the story “The Double” — by the Aksakovs is for the first time introduced into scientific circulation and summarised in our article. A comparative analysis of the assessment of these writings, on the one hand, by Vera Aksakova and her cousin Mariya Kartashevskaya in the correspondence of early 1846, and on the other hand, by Konstantin Aksakov, in a review published in 1847, is produced. It turns out that even before being acquainted with Fyodor Dostoevsky’s works, the Aksakovs were prejudiced against him, above all, because that writer was nominated by the Westernisers’ party led by Vissarion Belinsky as if in contrast to Nikolai Gogol with the “Slavophil spirit” of the latter. Special attention is paid to contextual information about the reading circle of the Aksakov sisters, which allows to explain a certain sharpness in their judgements. The sisters’ tastes had been shaped by romantic aesthetics, a theory of “aimless” creative work, whereas reading preferences were dictated by the emotional tone of the literary work. Therefore, in their perception, the “uneasy” prose of Fyodor Dostoevsky lost to the “refreshing” writing of Nikolai Gogol, Charles Dickens and Fredrika Bremer without scoring a point.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Nikolai Gogol, Konstantin Aksakov, Vera Aksakova, Mariya Kartashevskaya, reader reception, Slavophil criticism, epistolary genre, romantic aesthetics.

Information about the author: Andrei P. Dmitriev, DSc in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova st. 4, 199034, St. Petersburg, Russia.

Email: apdspb@gmail.com

Received: December 30, 2019

Published: March 24, 2020

For citation: Dmitriev A. P. On the assessment of “Poor Folk” and “The Double” Fyodor Dostoevsky by the Aksakovs (in terms of correspondence between Vera Aksakova and Mariya Kartashevskaya). Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 1, pp. 154–167. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-1-154-167

Дебютные произведения Ф. М. Достоевского — роман «Бедные люди» и повесть «Двойник» — как известно, вызвали негативную в целом оценку С. Т. Аксакова и его сыновей Константина и Ивана, что отразилось, прежде всего, в рецензии К. С. Аксакова на эти произведения, написанной по первым впечатлениям от них, но опубликованной годом позднее под псевдонимом «Г-н Имярек» [Московский литературный и ученый сборник: 26–36]¹.

Столь же неодобрительными оказались мнения о «Бедных людях» и «Двойнике» старшей дочери С. Т. Аксакова Веры Сергеевны и ее петербургской кузины Марии Григорьевны Карташевской, запечатленные в их переписке начала 1846 г. Девушками, несомненно, транслировалась оценка произведений Достоевского другими членами семейств Аксаковых и Карташевских. Дело в том, что, обмениваясь впечатлениями о тех или иных литературных новинках, Вера Аксакова и Мария Карташевская, в случае если их отдельные оценки не совпадали с суждениями родственников, обязательно оговаривали это в письмах.

Несколько фрагментов из переписки сестер, где они поделились одна с другой довольно нелюбезными мнениями от знакомства с произведениями Достоевского, впервые было опубликовано в 1952 г. Л. Р. Ланским (Коганом) [Гоголь в неизданной переписке: 680–681], а в 2012 г. переиздано и дополнено И. А. Виноградовым — с частичной сверкой по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома [Гоголь в воспоминаниях 2: 846–848, 962].

¹ О том, что эта публикация предназначалась для предыдущего «Московского литературного и ученого сборника» («на 1846 год»), свидетельствует, между прочим, сообщение Веры Аксаковой в письме к Марии Карташевской от 29 мая 1846 г., сопровождавшем присылку этого сборника Карташевским: «Многие критики брата не вошли в состав его, а будут помещены в другом томе, который надеются также выдать скоро» (Институт русской литературы (ИРЛИ). <Шифрованный фонд>. № 10.615. Л. 46 об.).

Публикаторы ставили перед собой цель сделать выборку из этой переписки одних только упоминаний о Гоголе, поэтому ими не были востребованы отдельные высказывания девушек о Достоевском, а также контекстные сведения об их круге чтения в рассматриваемый период, которые могли бы дать представление о читательских потребностях и предпочтениях сестер. Учет же и осмысление данных этого рода, скорее всего, объяснят известную резкость в суждениях корреспонденток и их ближнего окружения¹.

В семье Аксаковых узнали о появлении «нового Гоголя» из письма Карташевской к сестре от 31 октября — 5 ноября 1845 г. Во фрагменте, датированном 1 ноября², Мария сообщала о слухе, который разнесся к тому времени по петербургским гостиным (его источником послужили отзывы литераторов, познакомившихся с рукописью «Бедных людей» или слушавших ее авторское чтение). Она писала: «Говорят еще, явился новый автор вроде будто бы Гоголя, и его повесть, имеющая будто бы больше достоинства гоголевских повестей, печатается в одном петербургском альманахе. Любопытно будет посмотреть!»³. Вера откликнулась 12 ноября: «Что за новый Гоголь появился в Петербурге? Напиши, что узнаешь; я думаю, это вроде Бенедиктова, которого также вначале называли Пушкиным»⁴.

Свидетельств об этих ожиданиях сохранилось немало как в первых откликах на «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым» (СПб., 1846), где увидели свет «Бедные люди», так и в переписке современников и в позднейших мемуарах о Достоевском. Например, Л. В. Брант в рецензии на сборник иронизировал: «...уверяли, что в этом альманахе явится произведение нового, необыкновенного таланта, произведение высокое, едва ли не выше творений Гоголя и Лермонтова. Стоустая молва мигом разнесла приятную весть по “стогам Петрограда”: любопытство, ожидание, нетерпение были ловко задеты»

¹ Далее цитаты из переписки девушек приводятся по рукописным подлинникам, в том числе и в тех случаях, когда они уже были напечатаны Л. Р. Ланским и И. А. Виноградовым, — поскольку в этих публикациях встречаются незначительные неточности, по большей части обусловленные требованиями редакционной унификации текстов.

² В публикации Л. Р. Ланского ошибочно указано, что письмо датировано 30 октября [Гоголь в неизданной переписке: 680].

³ ИРЛИ. № 10.639. Л. 104 об.

⁴ ИРЛИ. № 10.615. Л. 126.

[Я. Я. Я.: 99]; П. А. Плетнев 5 февраля 1846 г. сообщал В. А. Жуковскому о Достоевском: «От него наши некрасовцы (печатающиеся в альманахе какого-то Некрасова) без ума и говорят, что теперь смерть и Гоголю и всем» [Плетнев 3: 570].

Дошли эти слухи и до И. С. Аксакова, служившего в то время в Калуге. 15 декабря он писал родным (в связи с публикацией комедии Ап. Григорьева «Два эгоизма» (1845), где под именем Баскакова был пародийно выведен К. С. Аксаков): «...Григорьев дружен и с “Отечественными» Записками”. Сии последние нашли новую звезду, какого-то Достоевского, которого ставят чуть ли не выше Гоголя, находя в Гоголе много славянофильского духа!!!!!!» [Аксаков И. С.: 237].

Таким образом, Аксаковы еще до знакомства с произведениями Достоевского были предубеждены против него. Сыграли тут роль, во-первых, преувеличенные, на их взгляд, похвалы молодому писателю, известному лишь в узком кругу петербургских литераторов; во-вторых, несколько ревнивое отношение к толкам, имевшим отношение к высоко ценимому ими Гоголю (в тот период его и Аксаковых связывала довольно интенсивная переписка — Вера регулярно сообщала Марии содержание писем Гоголя из Рима), скорее всего, особенно повлияло то, что Достоевский выдвигался западной партией во главе с В. Г. Белинским как бы в противовес Гоголю с его «славянофильским духом».

«Петербургский сборник» вышел в свет 21 января 1846 г., а уже через неделю, 28 января, Мария сообщала сестре, что дядя Николай Тимофеевич Аксаков¹ несколько дней читает вслух в гостиной Карташевских «Бедных людей»: «Дяденька нам читает теперь ту повесть Достоевского, которую иные сравнивали с повестями Гоголя, и отдавая ей преимущество. Она называется “Бедные люди” и помещена в Петер-

¹ И. А. Виноградов в комментариях к публикации этого фрагмента из письма Марии указывает, что чтение устроил дядя Аркадий Тимофеевич Аксаков [Гоголь в воспоминаниях 2: 962]. Однако из писем и Марии, и Веры однозначно следует, что в это время гостил в Петербурге Николай Тимофеевич. Его имя обычно не называется, однако, например, 9 декабря 1845 г. Мария писала сестре: «...я немного поздно вздумала подарить что-нибудь дяденьке 6 декабря, и потому так спешила с своим кошельком, что не выпускала работы из рук, когда дяд^{еньки} не было с нами, что случается нечасто» (ИРЛИ. № 10.639. Л. 117—117 об.). Речь идет о Николе Зимнем и, соответственно, именинах Н. Т. Аксакова.

бургском *Сборнике*. Только это далеко, далеко не Гоголь, возможно ли найти такое сходство, не говоря уже о том, чтоб отдать Достоевскому преимущество. У них с Гоголем общего, я думаю, только то, что сцена их действий происходит посреди бедных и довольно низких слоев общества. Но ведь тогда почему не сравнить его и с Eugène Sue. Я даже скорее сравню его с этим последним, только у Достоевского нет штук, часто оскорбляющих чувство, к которым прибегает Sue. Его повесть (мы еще только на половине) не дурна, она очень проста и согрета чувством. Я упомянула об Eugène Sue только потому, что он первый, кажется, стал выводить на сцену низкие слои общества с мыслию привлечь на них внимание гордых сильных земли и показать им, что часто в этом бедном классе более человечности, чем у них. Эта же мысль и чувство, видно, у Достоевского. У Гоголя совсем другое, у него нет никакой предположенной цели доказать или указать то и то, он просто создает, создает как есть, и часто, если обращать внимание на одно содержание его повестей, оно довольно грустно. У Достоевского нет, кажется, большого таланта, но он, кажется, не лишен способностей и главное он без штук и видна любящая душа в его повести. Вы, верно, будете тоже читать эту повесть, мой милый друг, и тогда ты скажешь мне свое мнение»¹.

Далее без перехода Мария пишет о произведении, встреченном ею, в отличие от «Бедных людей», с полным восторгом: «Я тоже наконец прочла ту повесть Диккенса, которую я все искала прошедший год; это “Ночь на Рождество”. Как прекрасно! Какая живая, глубокая любовь к своим братьям и как превосходны все малейшие подробности его рассказа»². А ниже делится впечатлениями от впервые прочитанного романа Гете: «Еще я только что дочитала по-немецки одно сочинение, но ты, конечно, никогда не ожидаешь какое?! “Leiden des jungen Werthers”. Мне пришло это желание, потому что здешнее высшее общество играло какую-то пародию Вертера, по поводу этого были толки, и вот я захотела узнать наконец, что это за Вертер, и признаюсь, конец невольно смущает и наводит грусть, так живы все терзания его бедного сердца»³. И дальше: «Теперь у нас с дяд<енькой> война, во-первых, за то, что дразнит меня, говоря, что рано мне выехать; во-вторых, за

¹ ИРЛИ. № 10.640. Л. 7–8.

² ИРЛИ. № 10.640. Л. 8.

³ ИРЛИ. № 10.640. Л. 8–8 об.

то, что он не посидит дома, а потому несчастная повесть Достоевского читается уже, кажется, неделю и только на половине¹. Как видим, основным эстетическим критерием для Марии был, так сказать, эмоциональный тонус литературного произведения: она ценила теплый юмор, жизнеутверждающие ноты и избегала тональности, навевающей уныние.

Примечательно, что суждения Карташевской о «Бедных людях» были положены в основу рецензии Константина Аксакова на роман. (Известно, что письма Веры читались вслух в семье Карташевских, а письма Марии оглашались в гостиной Абрамцева.) Константин критиковал роман Достоевского, прежде всего, за «филантропическую тенденцию» — стремление пробудить сострадание к беднякам, то есть за внеположные, по убеждению рецензента, истинному искусству дидактические цели, считая, что поэтому роман «решительно не может называться произведением художественным» [Аксаков К. С.: 138]. Упомянув социальный роман Эжена Сю, о том же писала и Карташевская. Общая оценка Константином Аксаковым молодого писателя довольно сурова и сходна с высказанной петербургской кузиной: «Г. Достоевский не явил в своей повести как в целом художественного таланта»; в романе «нет этого бесцельного творчества» [Аксаков К. С.: 139].

3 февраля Мария сообщала Вере: «Наконец-то мы дочитали “Бедные люди”, и после окончания я повторяю, что писала тебе уже об этой повести. В конце даже сочинитель, кажется, немного запутался, и он иногда слишком, мне кажется, повторяется, но, впрочем, всё эта повесть не дурна, потому что в ней есть чувство. Очень желаю, чтоб вы ее прочли²».

Вера откликнулась 4 февраля, как будто обрадовалась мнениям сестры и, еще не ознакомившись с романом Достоевского, была готова к ним присоединиться: «В Москве тоже получен Петербургский Сборник, и я надеюсь со временем достать его, особенно для того чтоб прочесть эту повесть Достоевского. Мне кажется заранее, что я с тобой буду согласна³».

Отвечая 14 февраля, Мария просит Веру обратить внимание на финал «Бедных людей»: «Мне очень любопытно услышать твое мнение

¹ ИРЛИ. № 10.640. Л. 7об.–8 (приписка на полях).

² ИРЛИ. № 10.640. Л. 11 об.

³ ИРЛИ. № 10.616. Л. 10 об.

о повести Достоевского особенно после одного ей определения, которое меня крайне изумило. Скажи мне, какое впечатление произведет на тебя конец и увидишь ли ты в нем какую-нибудь особенную мысль сочинителя? Я не видела никакой, но, может быть, это была недогадливость с моей стороны»¹.

В тот же день, 14 февраля, Вера уже писала о первых впечатлениях от романа (судя по контексту, «Бедные люди» читались в Абрамцеве вслух в присутствии всей семьи): «Мы достали Сборник Петербургский и читаем Достоевского; кажется, будем с тобой одного мнения. Дарование есть несомненно, но того высокого художества, которого впечатления так освежительны, того и тени нет, все тяжело, грустно, давит, странная форма писем, очень неловко высказываться самим лицам, и как-то я их не совсем ясно вижу, но — до окончания; между тем есть многое хорошо»². Любопытно, как продолжается это письмо: в противовес «тяжелому» роману Достоевского Вера пишет об «ободряющем» романе шведской писательницы-феминистки Фредрики Бремер (1801–1865) «В Далекарлии» [Bremer]: «Мы подписались на немецкие книги, и я взяла “In Dalekarlien”, новый роман Bremer. Мы прочли с сестрами только три главы, и до сих пор это удивительно как хорошо, с каким удовольствием я это читаю, в ней есть что-то ободряющее, как прекрасны тут некоторые описания, положения, как разнообразны и истинны лица»³.

Мария откликнулась 20 февраля: «Очень мне приятно, мой милый друг, что мы так совершенно одинаково чувствуем значение повести Достоевского. Что-то ты скажешь про конец, мне это очень любопытно»⁴.

25 февраля Вера сообщала: «Мы также прочли Достоевского, и я согласна с тобой. Странная повесть, с большим достоинством, хотя вовсе почти не дает тех освежительных высоких наслаждений художеством, которые мы находим во всяком слове Гоголя; это совсем другое. Но она сделала во многих местах сильное на меня впечатление как верный рассказ этой несчастной жизни, и вообще чувство тяжелое, глубоко грустное, болезненное даже не оставляло меня ни на минуту. — Его цель, конечно, была та, чтоб возбудить участие к этим несчастным бедным

¹ ИРЛИ. № 10.640. Л. 17 об.–18.

² ИРЛИ. № 10.616. Л. 15 об.

³ ИРЛИ. № 10.616. Л. 15 об.

⁴ ИРЛИ. № 10.640. Л. 21.

людям, не представляя их идеальными людьми, но со всеми их человеческими слабостями, и она эту цель достигает. — Нещастная форма его повести [то есть] в письмах так неудобна, что от этого, вероятно, много выходит несообразности, и то, что должен был бы автор или действие говорить за его лицо, должны высказывать они сами про себя, особенно в письмах Мак<ара> Ал<ексеевича>, но, несмотря на то, иногда очень искусно автор одевает свою мысль в слова этого бедного человека. В иных местах эта повесть даже очень скучна, в письмах Мак<ара> Алек<сеевича> часто повторения. — Но некоторые письма Вариньки и ее журнал особенно хороши. — Даже и то не совсем естественно, чтоб такие люди стали переписываться так, как они говорят. Разумеется, эта речь, отрывистая, сбивчивая, так как она обыкновенно выходит из уст человека, особенно человека, как Мак<ар> А<лексеевич>, — могла только явиться после того, как Гоголь ее создал, но из этого не следует, чтоб Достоевский подражал, хотя многие фразы прямо напоминают Гоголя, но теперь почти всякая естественная фраза уже невольно напоминает Гоголя; потому что он первый заговорил так. — Мне кажется, что впечатление Акакия Акакиевича должно было породить эту повесть, хотя этот чиновник не похож на Акак<ия> Акак<иевича>. Я не понимаю хорошенько, хотел ли автор словами Макар<а> Алек<сеевича> о “Шинели” Гоголя показать то впечатление, которое она должна произвести на этих людей, или он сам отчасти разделяет его мнение, Впрочем, кажется, что это говорит один Макар Алек<сеевич>»¹.

Прервем цитату, чтоб отметить черты сходства отзыва Веры Аксаковой в письме и печатной рецензии Константина Аксакова, объясняемые, не в последнюю очередь, обсуждением ими романа в ходе его чтения. Это, во-первых, «болезненное чувство», не оставившее Веру «ни на минуту» и соответствовавшее заключению Константина: «Впечатление повести тяжелое...» [Аксаков К. С.: 139]. Во-вторых, сестра и брат солидарны в неодобрении эпистолярной формы произведения, однако последний выразил это категорически: «...напрасно сочинитель избрал эту форму, самую по себе неудобную и, сверх того, им неверно выполненную», полагая, что Макар Девушкин не смог бы «написать так, как говорит» [Аксаков К. С.: 137]; Вера же признает, что «иногда очень искусно автор одевает свою мысль в слова этого бедного человека». В-третьих, упрек Веры в отсутствии, по ее словам, «освежи-

¹ ИРЛИ. № 10.640. Л. 18–18 об.

тельных высоких наслаждений искусством» выливается под пером Константина в целую диатрибу о том, что в романе Достоевского «нет художественного достоинства» — в отличие от «глубокой, примиряющей красоты», присущей гоголевской «Шинели».

Вера продолжала, помня вопрос сестры о финале «Бедных людей»: «Странен конец потому, я думаю, особенно, что мы не знаем точно прежних происшествий. — Автор хотел, кажется, показать, что и в Вариньке, несмотря на ее горе и положение, есть своего рода суетность. — Мысли я никакой особенной не вижу в окончании; от кого же ты слышала или где ты читала то определение, которое тебя удивило, сообщи мне его; ни отесенька, никто из нас ничего не предполагают особенного»¹. К сожалению, Мария не разъяснила этот момент (если ее письмо с ответом не оказалось утраченным).

Далее Вера писала о дошедших до Аксаковых слухах о повести «Двойник»: «Во втором номере “От<ечественных> З<аписок>” напечатана его другая повесть и, к удивлению, говорят, без всякого достоинства. Я очень бы желала какую-нибудь другую его повесть, только не в письмах, чтоб посудить больше о самом авторе. Я слышала, что он сам чрезвычайно бедный человек»².

К 25 марта «Двойник» был прочитан в Абрамцеве, и Вера сообщала: «Не помню, писала ли я тебе, что мы читали другую повесть Достоевского “Двойник”, в “От<ечественных> З<аписках>” и насилу имели терпение прочесть ее. Такого подражания Гоголю, бездушного и даже наглого, и вообразить нельзя, и до того скучно, что я желаю, чтоб ты хоть взглянула на нее, чтоб иметь понятие об ней. Это, кажется, только можно одним объяснить, что автор хотел написать пародию на Гоголя или похвастаться, что и он может написать так же, и тут обнаруживается, что талант Достоевского не таков, как мы вообразили по первой повести»³.

Содержание письма Марии от 29 марта таково, будто она не получила отзыва Веры от «Двойнике». Тем примечательнее сходство их впечатлений. Мария рассказывала: «Теперь я читаю другую повесть Досто-

¹ ИРЛИ. № 10.616. Л. 18 об. Эта цитата подтверждает, что чтение романа Достоевского и писем М. Г. Карташевской с ее читательскими оценками собирало все семейство, включая его главу С. Т. Аксакова («отесеньку»).

² ИРЛИ. № 10.616. Л. 18 об.—19.

³ ИРЛИ. № 10.616. Л. 29 об.

евского — “Двойник”. И до сих пор она очень скучна. Странное дело! Его герой уже помешался, а он все продолжает передавать его бредни, как будто бессмыслица безумных может быть предметом интересным. Другое дело, как у Гоголя, показать, как постепенно человек теряет рассудок и мешается, и тут остановиться. Вот в этой-то повести очень чувствительно его подражание Гоголю и повторение многих фраз Макара Алексеевича¹. Эти нелестные для Достоевского суждения о его повести объяснялись прежде всего растянутостью повествования и излишними повторами, признанными вслед за критикой самим автором как творческая неудача (в 1866 г. он, как известно, опубликовал переработанную редакцию повести).

Константин Аксаков в упоминавшейся рецензии на «Петербургский сборник» высказался и о «Двойнике», причем оказался единомышлен с сестрами, хотя и резче и даже язвительнее по тону. Повесть он называет «длинной и до невероятности утомительной». «В ней, — по словам Константина, — г. Достоевский постоянно передразнивает Гоголя <...> это одно голое подражание внешности великих произведений Гоголя. В этом только и состоит вся повесть: ни смысла, ни содержания, ни мысли — ничего» [Аксаков К. С.: 143].

В письме от 7 апреля к Марии Вера еще раз упоминала повесть Достоевского: «Я тебе, кажется, писала о “Двойнике” и совершенно с тобой согласна насчет его. Еще сомнительно, можно ли ожидать что-нибудь [нового] замечательного от него»².

Мария, получив предыдущий эмоциональный, негодующий отзыв Веры о «Двойнике», сочла его несправедливым и возразила ей в письме от 8 апреля: «Я не совсем с тобой согласна, мой милый друг, насчет повести “Двойник”. Она несносно растянута, она мне напоминает то некоторые фразы Гоголя, то Макар <так!> Алексеевича, но мне кажется, и в ней виден талант. Только действительно надобно терпение, чтоб ее дочитать, и я, конечно, бросила бы со второй страницы, если б я предварительно не слышала об этой повести совершенно противуречащие суждения, которые и возбудили мое любопытство и желание судить о ней сама по себе. Он ужасно растянул момент помешательства, но мне кажется, что он представил его очень верно и потому живо. Право, мне иногда становилось страшно, читая, что происходило в несчастной го-

¹ ИРЛИ. № 10.640. Л. 26 об.–27.

² ИРЛИ. № 10.616. Л. 32 об.

лове г. Голядкина, страшно, когда представишь себе это преследование мысли, от которой никуда уйти нельзя, но мне другая повесть нравится более»¹.

Любопытно, что далее Мария упоминает название еще одной повести Достоевского: «У него еще готова третья, которая тоже будет напечатана, кажется, в “От<ечественных> Зап<исках>”, это: “Сбритые бакенбарды”»². Работа писателя над этой повестью, первое известное упоминание о которой содержится в письме В. Г. Белинского к А. И. Герцену от 6 февраля 1846 г. [Белинский 12: 261], затянулась до конца октября³, но так и не была завершена; рукопись не сохранилась.

Мария и Вера в переписке этого времени регулярно обмениваются впечатлениями о прочитанных книгах, и чаще их голоса звучат в унисон (исключение — споры о романах Жорж Санд, в которых, по убеждению Веры, отразились «самые вредные заблуждения и отвратительные выводы» «нашего века»⁴, с чем не могла согласиться Мария). Порой почти все письмо посвящалось подробному отзыву о новом произведении любимицы обеих сестер в те годы Фредрики Бремер. Читая эту шведскую писательницу в немецких переводах, Вера восклицает: «В Бремер столько национального, и она сама так оригинальна, сколько бодрости, силы, даже веселости в ней»⁵ (25 февраля 1846 г.); «Мне приходит такое желание узнать шведский язык, что если б я имела к тому случай, непременно бы стала изучать. Очень бы мне тоже хотелось узнать самую Бремер»⁶ (4 марта 1846 г.). Романы же ее современницы, немецкой писательницы Генриетты-Вильгельмины Ханке (1785–1862) вызывали противоположную единодушную реакцию: «... хотя это недурно написано и, вероятно, верно, многое естественно, но никакой оригинальности, никакого особенного колорита, все довольно пошло и обыкновенно...»⁷ (письмо Веры от 25 февраля 1846 г.). Таким же в общем-то согласием отличалось неприятие ранних произведений

¹ ИРЛИ. № 10.640. Л. 23 об.–24.

² ИРЛИ. № 10.640. Л. 24.

³ См. письмо писателя к брату Михаилу от 20 октября 1846 г. [Достоевский 28, 1: 131].

⁴ ИРЛИ. № 10.617. Л. 12 об.

⁵ ИРЛИ. № 10.616. Л. 19 об.

⁶ ИРЛИ. № 10.616. Л. 24 об.

⁷ ИРЛИ. № 10.616. Л. 19 об.

Достоевского, хотя и обставленное существенными оговорками («согрето чувством», «видна любящая душа», «с большим достоинством»).

Очевидно, что читательские вкусы прямо высказавшихся о Достоевском Веры и Константина Аксаковых и Марии Карташевой были сформированы романтической эстетикой, теорией «бесцельного» творчества. Вместе с тем обладающие заметной социально-нравственной тенденцией «Бедные люди» и «Двойник» имели несомненное художественное достоинство, чего (как бы «скрепя сердце») не могли игнорировать в семье Аксаковых, отличающейся чуткостью по отношению к искусству.

Надо сказать, что и Константин Аксаков, продолжая теоретически настаивать на важности непосредственного творчества, на необходимости «полной преданности искусству, полной искренности, полного беспристрастия» [Аксаков К. С.: 138–139], как раз с середины 1840-х гг. все чаще насыщает свои поэтические и драматические произведения публицистическим элементом, поднимая в них острые нравственные, общественные и историософские вопросы.

Список литературы

Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849 / изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. 526 с.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853) / публ. и коммент. Л. Ланского; предисл. И. Сергиевского // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 533–772.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств: Научно-критическое издание: в 3 т. / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 2. 1031 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28, кн. 1. 571 с.

Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М.: в тип. Августа Семена, 1847. [4], II, XVIII, 708, 146, 32 с.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка: в 3 т. / издал Я. К. Грот. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1885. Т. 3. XII, 746 с.

Я. Я. Я. <Брант Л. В.>. Русская литература: Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Северная пчела. 1846. 30 янв. № 25. С. 99.

Bremer Fredrika. In Dalekarlien: vier Theile. Stuttgart: Franckh, 1845. 259 S.

References

Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym, 1844–1849* [Letters to the family, 1844–1849], ed. by T. F. Pirozhkova. Moscow, Nauka Publ., 1988, 704 p. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Estetika i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism], comp., prep. of text, entry art. and comment. by V. A. Koshelev. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, 526 p. (In Russ.)

Belinskii V. G. *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956, Vol. 12, 596 p. (In Russ.)

Gogol' v neizdannoii perepiske sovremennikov (1833–1853) [Gogol in an unpublished correspondence of contemporaries (1833–1853)], publ. and comment. by L. Lansky; foreword by I. Sergievsky. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, AN SSSR Publ., 1952, Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol', pp. 533–772. (In Russ.)

Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov: Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 t. [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries: A complete systematic set of documentary evidence: A critical scientific publication: in 3 vols.], ed. by I. A. Vinogradov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2012, Vol. 2, 1031 p. (In Russ.)

Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, Vol. 28, book 1, 571 p. (In Russ.)

Moskovskii literaturnyi i uchenyi sbornik na 1847 god [Moscow literary and scientific collection for 1847]. Moscow, in the printing house of August Semen Publ., 1847, [4], II, XVIII, 708, 146, 32 p. (In Russ.)

Pletnev P. A. *Sochineniia i perepiska: v 3 t.* [Compositions and correspondence: in 3 vols.], ed. by Ia. K. Grot. St. Petersburg, printing house of the Imp. Academy of Sciences Publ., 1885, Vol. 3, XII, 746 p. (In Russ.)

Ia. Ia. Ia. <Brant L. V.>. *Russkaia literatura: Peterburgskii sbornik, izdannyi N. Nekrasovym* [Russian literature: Petersburg collection, published by N. Nekrasov]. *Severnaia pchela* [Northern Bee]. St. Petersburg, 1846, January 30, № 25, pp. 99. (In Russ.)

Bremer Fredrika. *In Dalekarlien: vier Theile*. Stuttgart, Franckh, 1845, 259 S.